

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.11>

Садокова Анастасия Рюриковна

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ЯПОНИИ: ОТ ЗАБАВНЫХ КАЗУСОВ ДО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ

В статье исследуется история знакомства японцев в конце XIX в. с произведениями русской классической литературы. На конкретных примерах показано, как непросто шел этот процесс и какие сложности возникали при переводе русской классики через "язык-посредник". Выявлены основные этапы приобщения японской интеллигенции к русской литературе, показана роль первых профессиональных переводчиков в деле формирования в японском обществе стойкого интереса к русской литературе и культуре, которые в дальнейшем оказали огромное влияние на создание новой японской литературы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 7(85). Ч. 1. С. 50-53. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.521

Дата поступления рукописи: 21.04.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-7-1.11>

В статье исследуется история знакомства японцев в конце XIX в. с произведениями русской классической литературы. На конкретных примерах показано, как непросто шел этот процесс и какие сложности возникали при переводе русской классики через «язык-посредник». Выявлены основные этапы приобщения японской интеллигенции к русской литературе, показана роль первых профессиональных переводчиков в деле формирования в японском обществе стойкого интереса к русской литературе и культуре, которые в дальнейшем оказали огромное влияние на создание новой японской литературы.

Ключевые слова и фразы: переводная литература в Японии; русская классика; новая японская литература; переводы с европейских языков; адаптация реалий и имен; национальный колорит.

Садокова Анастасия Рюриковна, д. филол. н., профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
sadokova@list.ru

ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ЯПОНИИ: ОТ ЗАБАВНЫХ КАЗУСОВ ДО ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО ПРИЗНАНИЯ

В этом году широко отмечается важная дата в истории Японии – 150-летие незавершенной буржуазной революции Мэйдзи (в японской историографии она получила название «реставрация Мэйдзи»). Результатом событий 1868 г. стало завершение многовекового (с XII в.) военного правления. Император официально вернулся к власти, а сама Япония «открылась для внешнего мира», прервав более чем двухвековой период самоизоляции. Началась эпоха Мэйдзи – время колоссальных политических, экономических и культурных перемен в жизни японского общества. Именно в это время в Японии был взят курс на «просвещенную» цивилизацию, введено всеобщее обязательное образование, созданы современный для того времени транспорт и средства коммуникации. Национальная религия синто была возведена в ранг государственной, а вся идеология ориентировалась на укрепление императорской власти.

Не менее значительными были изменения и в культурной жизни Японии. Одним из проявлений «новой культурной реальности» стало увлечение японской интеллигенции Западом, поиска новых взаимоотношений между традиционно японским и привнесенным извне. Европейская культура в тот период оказывала огромное влияние на формирование новой японской живописи, театра, архитектуры, прикладного искусства. Не стала исключением и литература, тем более что среди ученых-просветителей было немало литераторов и публицистов. Так что параллельно с развитием просветительского движения и становлением японской журналистики японская читающая публика получила возможность приобщиться и к литературным достижениям европейской цивилизации.

Понятно, что в это сложное, необыкновенно плодотворное и чрезвычайно динамичное время не последнюю роль в процессе формирования новой японской культуры и литературы сыграло появление переводной литературы, которая пользовалась в те времена огромной популярностью.

Однако на первом этапе знакомства японцев с европейской литературой их меньше всего интересовала художественная сторона произведений. Можно даже сказать, что первое знакомство происходило исключительно под флагом просветительского движения. Японцами руководило страстное желание понять, как живут другие люди, узнать как можно больше об их истории, нравах, обычаях, бытовой жизни. Потому, читая произведения чужой литературы, они стремились просто «изучить» незнакомый народ, познакомиться с ним.

При этом отбор произведений для первых переводов европейской литературы, как представляется, был во многом случайным или основывался на чьих-то личных предпочтениях. В этой связи можно вспомнить хотя бы тот факт, что одним из первых переводных произведений европейской литературы стал роман популярного в то время английского писателя Эдуарда (Эдварда) Булвер-Литтона (1803-1873). Его многочисленные романы вызвали живой интерес в Англии и уже при жизни писателя были переведены на многие языки, в том числе и на русский [6]. Интересно, что не осталась в стороне и Япония. Появление перевода романа «Эрнест Малтраверс» в 1878 г. стало определенным событием в литературной жизни новой Японии. Вообще в первые два десятилетия после Мэйдзи было переведено четырнадцать его романов [1, с. 91]. Эти переводы, а также переводы произведений другого популярного в то время в Японии английского литератора – Бенджамина Дизраэли, лорда Биконсвилла (1804-1881) – дали японцам неверное представление о том, что европейская литература – это, прежде всего, и даже только, английская литература.

Теперь уже трудно понять причины столь огромной популярности романов этих писателей у японской читающей публики. Говоря о переводах Э. Булвер-Литтона, Л. Д. Гришелева и Н. И. Чегодарь, отмечают: «Возможно, что читателям и переводчикам импонировало, что он был не только литератором, но и политическим деятелем. А может быть, в Японии того времени не совсем ясно представляли себе шкалу художественных ценностей, существовавшую в европейской литературе» [Там же]. Думается, что обе эти причины имели место и были тесно связаны между собой. В Японии, где в то время наблюдался пик просветительского движения и «политическое» однозначно отодвигало «литературное» на второй план, в моде были писатели-трибуны,

писатели-политики. А Э. Булвер-Литтон и Бенджамин Дизраэли полностью отвечали этим требованиям. Ведь, как известно, Э. Булвер-Литтон был видным деятелем Либеральной, а затем и Консервативной партии. Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсвилл) был не только лидером Консервативной партии, но и премьер-министром Великобритании в 1868 г., а затем в 1874-1880 гг. Конечно, появление книг этих авторов в Японии и их переводы, осуществленные почти сразу после написания, были неслучайны: англичане привозили и рекомендовали эту литературу, а японские интеллигенты «исккали» и пропагандировали современную тогда европейскую культуру.

Однако уже вскоре, в середине 1880-х годов, ситуация изменилась, и японцы смогли познакомиться с европейской классикой. К этому времени в Японии уже появились профессиональные переводчики, а когда в 1873 г. в Токио открылась Школа иностранных языков, процесс обучения и подготовки специалистов пошел быстрее. Именно в это время японская интеллигенция смогла познакомиться с английской классикой и, прежде всего, с произведениями Шекспира, а также со многими образцами французской общественной мысли и литературы – с философскими произведениями Руссо и Вольтера, с романами Жюль Верна и Даниэля Дефо. При этом оказалось, что французская литература гораздо ближе душам японцев, чем английская.

В середине 1880-х годов японцы познакомились и с таким неизвестным им до этого явлением, как «русская литература», которая, наряду с французской, потом оказала огромное влияние на становление новой японской литературы.

С произведениями русских классиков японская интеллигенция первоначально знакомилась через «языки-посредники» – английский или французский. Приобрести эти издания в Токио можно было только в книжном магазине «Марудзэн», основанном в 1868 г. Это было своего рода «окно в Европу». Именно в этом магазине в 1889 г. впервые появились три экземпляра английского перевода романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». И все они были куплены в будущем знаменитыми литераторами, в том числе теоретиком новой японской литературы, одним из основателей нового японского театра Цубоути Сёё (1867-1935) [7, с. 17].

К этому моменту в Японию уже стали попадать адекватные переводы русской литературы на европейские языки, то есть переводы, выполненные профессиональными европейскими переводчиками. Можно сказать, что к концу 1880-х годов эта тенденция постепенно становилась определяющей, чего нельзя сказать о более раннем периоде.

Однако что касалось образа России, то первые переводы не могли дать японцам правдивого представления об этом. Не только потому, что они не были выполнены с русского языка и, соответственно, не были сделаны людьми, знавшими Россию и ее культуру, а еще и потому, что для перевода на японский язык привлекались англоязычные опусы не самого лучшего качества, иногда это была просто «случайная выборка». Несмотря на это, переводчики-японцы очень серьезно подходили к поставленной задаче, поэтому их имена, наверное, до сих пор известны всем, кто интересуется этим периодом развития японской литературы.

При этом первые переводы являются замечательной иллюстрацией для понимания самой сути «представлений о прекрасном» в японском обществе того времени, а также для изучения принятых в литературной среде тогдашней Японии критериев работы переводчиков. Тогда японские переводчики не только придумывали новые названия произведениям, стараясь, как им казалось, сделать их лучше, но и довольно вольно обращались с авторским текстом. Все это делалось с учетом вкусов японской читающей публики, которая привыкла к длинным интригующим названиям и быстро развивающимся событиям – такова была японская беллетристика *гэсаку*, с которой японская литература встретила революцию Мэйдзи и знакомство с русской и западной классикой.

Первое произведение русской литературы, которое стало доступно японскому читателю, вполне отвечало этим требованиям. Оно вышло в свет в 1883 г. в переводе Такасу Дзискэ под названием «Удивительные вести из России. Записки о душе цветка и мыслях бабочки». В основе этого небольшого по объему произведения лежала романтическая история, построенная на незатейливом «любовном треугольнике». Главными героями этого русского произведения были Мэри, Смит и Дантон.

Конечно, нелегко узнать в такой нетривиальной интерпретации «Капитанскую дочку» А. С. Пушкина. Понятно, что никакой иной линии, кроме любовной, в переводе не было. Не исключено, что тема Пугачевского восстания, как и другие события и действующие лица, были потеряны еще при переводе на английский язык и не были даже известны японскому переводчику.

Тем не менее произведение пользовалось успехом и в 1886 г. было даже переиздано под названием «История Мэри и Смита. Русская любовная история». Вероятно, к тому времени русские герои Мэри и Смит уже стали хорошо известны читающей публике, а японцы увидели какую-то особую романтику именно в «русской любовной истории». В свое время А. И. Мамонов, автор монографии «Пушкин в Японии», высказывал мысль о том, что «русская любовь» предстала перед японцами в новом, незнакомом им свете, «резко отличной от привычного представления о своей японской любви» [5, с. 165]. Не исключено, что так оно и было. Ведь собственно любовная японская литература того времени была полна не очень пристойных любовных историй, не отличающихся ни глубиной чувств, ни сложностью характеров.

Что же касается английских имен в произведениях русской литературы, то японские исследователи на протяжении истории давали разные объяснения этому явлению. Но суть их сводилась практически к одному: русская литература в то время воспринималась как часть общеевропейской культуры, и особой разницы они просто не видели. Как уже говорилось, на первом этапе английский язык и английская литература занимали первостепенное

положение, то есть все решалось «в пользу Англии» [9, с. 101; 10, с. 292]. Как отмечал К. Рехо, «читатели тех лет были еще далеки от осмысления особенностей русского характера, именно русской любви» [7, с. 18].

Здесь следует подчеркнуть, что столь вольное обращение с авторским текстом касалось не только русской литературы, такова была общая тенденция в практике перевода на японский язык. Потому произведения европейской литературы постигла та же участь – они переводились весьма вольно и под такими же пышными названиями. Так, «Ромео и Джульетта» Шекспира вышла под названием «Странные пути любви, соединившие врагов», а драма Ф. Шиллера «Вильгельм Телль» – под названием «Меч свободы». В свое время еще Н. И. Конрад обращал внимание на то, что со многими шедеврами европейской литературы японцы знакомились фактически по переделкам. В своей работе, посвященной японской литературе, Н. И. Конрад упоминает, например, одну из новелл «Дон Кихота», переведенную на японский с французского. Так, действие в ней происходит в Италии времен образования Итальянского королевства, но читатель знакомится при этом с героями совершенно других эпох – с Гарибальди и Мадзини, активно действующих в этой новелле [4, с. 441].

Что же касается русской классики, то после «Капитанской дочки» знакомство продолжалось в том же русле. В 1886 г. появилось еще одно произведение с «завлекающим» названием: «Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых битв в Северной Европе» (переводчик Мори Тай). В этом небольшом по объему произведении русскоязычный читатель вряд ли сразу бы признал «Войну и мир» Л. Н. Толстого. Вчитавшись, засомневался бы еще больше: в переводе было много откровенных неточностей, сам текст был сильно сокращен, к тому же подвергся большой правке, в том смысле, что был переделан «как лучше». Но надо сказать, что переводчик и не скрывал своего «соавторства». Сохранились сведения о том, что после заголовка переводчик поместил следующее пояснение: «Ввиду того, что в оригинале местами очень длинно и затянато, я там, где нужно, сокращал» [Цит. по: Там же].

Конечно, такого рода «переводы» с трудом можно воспринимать как серьезное явление. И тем не менее они таковыми оказались. Даже в столь искаженном виде они заинтересовали японского читателя, и когда, наконец, стали появляться адекватные переводы, японский читатель уже был готов к встрече с русской литературой. Конечно, не все было сразу принято. Остался непонятым пушкинский «Борис Годунов». О главном герое японская критика написала лишь: «Преступник, нарушивший закон Неба». Не сразу японцы прониклись и лиризмом И. С. Тургенева, которого потом полюбили навсегда: настолько необычными показались им описания природы.

Но вместе с непониманием возникало вдруг и странное желание все-таки прочувствовать, что же такое есть русская литература. Может быть, японцы уже тогда ощущали то, что Л. Л. Громковская определила так: «...чтобы “запустить” механизм заимствования, японцам необходимо нащупать в незнакомом что-то свое, напоминающее давно известное, пусть неуловимо, нечетко, по какой-то зыбкой ассоциации...» [2, с. 5]. Хотя эта точка зрения и считается спорной. Достаточно вспомнить высказывание акад. Н. И. Конрада о впечатлении, которое произвело на японцев описание природы у И. С. Тургенева и что может считаться отправной точкой появившегося интереса. Это впечатление было «отличным от того, на котором воспитывались японцы» [4, с. 532].

Понятно, что процесс познания и осмысления русской классической литературы в Японии не был простым и быстрым. Но уже первые переводы, несмотря даже на столь не соответствующие оригиналу попытки, привлекли внимание японского читателя, задели его за живое и, как ни странно, заложили первые основы глубокого интереса к русской литературе в Японии.

Серьезный интерес к русской классике пробудился в японском обществе только в конце 1880-х годов, когда переводы стали осуществляться непосредственно с русского языка литераторами-русистами. Этому в немалой степени способствовало системное обучение русскому языку в Школе иностранных языков, а позднее – уже в 1920 г. – силами русского отделения в одном из ведущих японских университетов – в университете Васэда, где это отделение возглавил известный русист и переводчик Катаками Нобуро (1884-1928) [3]. Однако у истоков создания «школы» перевода произведений русской классики стоял писатель-русист Фтабатэй Симэй (1864-1909), впервые поставивший своей целью максимально точно передать художественные и смысловые особенности подлинника.

Благодаря Фтабатэю Симэю японская интеллигенция смогла познакомиться со многими произведениями русской литературы и, прежде всего, с творчеством Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Сегодня имя Фтабатэя в основном ассоциируется с переводами произведений Тургенева. И это неслучайно. Можно сказать, что именно произведения Тургенева в великолепном переводе Фтабатэя и стали отправной точкой сначала для знакомства, а затем и для огромного интереса и любви к русской литературе в Японии.

В 1896 г. вышел в свет первый небольшой сборник переводов Фтабатэя, озаглавленный «Неразделенная любовь», в который были включены переводы произведений Тургенева – «Ася», «Свидание», «Три встречи». Рассказ «Свидание» уже издавался ранее и стал «пробой пера» для Фтабатэя как переводчика русской литературы. Перевод же повести «Ася», опубликованный впервые, произвел настоящий фурор в литературной среде тогдашней Японии.

Интересно, что именно повесть «Ася» Фтабатэй назвал «Неразделенная любовь», ссылаясь на то, что иностранные имена были трудны для восприятия и ничего не говорили читателю-японцу. Он руководствовался этим принципом и в дальнейшем, потому, наверное, нередко публиковал переводы под названиями, отличными от оригинала. Так, со временем роман «Рудин» в переводе Фтабатэя получил название «Перекачено поле», рассказ «Петушков» – «Роковые узы», а один акт пьесы «Завтрак у предводителя» – «Дурень».

Попутно заметим, что не только произведения Тургенева под пером Фтабатэя обретали новые названия. Интересно вспомнить, что повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» вышла под названием «Люди прежних лет», рассказ Л. Н. Толстого «Рубка леса» стал известен как «Винтовка в изголовье», а рассказ В. М. Гаршина «То, чего не было» получил название «Трава без корней». Под другими названиями появились и переводы произведений М. Горького. Повесть «Ошибка» получила название «Двое сумасшедших», а «Дед Архип и Ленька» – «Нищие».

При этом нетрудно заметить, что новые названия, даваемые Фтабатэем, отличались от тех цветистых и длинных названий, которые получали произведения на первом этапе знакомства японцев с русской литературой. Даже переименованные, они сохраняли суть и идею произведения и при этом звучали более понятно для японцев, которые плохо представляли себе многие русские реалии.

Нельзя не обратить внимания и на чрезвычайно широкий выбор переведенных Фтабатэем произведений. Ко всем перечисленным авторам можно добавить еще и имена сегодня уже не столь часто упоминаемых литераторов. Например, в вольном переводе Фтабатэй осуществил переложение рассказа И. Щеглова (псевдоним И. Л. Леонтьева, 1856-1911) «Невозможный характер», а также перевел брошюру с рассказом нардовольца П. С. Поливанова «Кончился», посвященным памяти друзей автора [8, с. 34].

Фтабатэй не только хорошо знал и тонко чувствовал русскую классическую словесность, но и внимательно следил за современной ему литературой, по возможности пропагандировал ее в Японии. Благодаря Фтабатэю Симэю японцы по-настоящему открыли для себя русскую классику и полюбили навсегда. Всего за два-три десятилетия русская литература из совершенно неизвестного явления превратилась для японцев в столь важное и любимое. Более того, на переводах русской классики, которые прошли за это время путь от забавных казусов до истинно национального достояния, было воспитано не одно поколение японцев.

Список источников

1. Гришелева Л. Д., Чегодарь Н. И. Японская культура нового времени. Эпоха Мэйдзи. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. 240 с.
2. Громковская Л. Л. Оглянемся на прошлое // 100 лет русской культуры Японии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 3-10.
3. Кожевникова И. П. Университет Васэда и русская литература // 100 лет русской культуры Японии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 38-60.
4. Конрад Н. И. Японская литература. От Кодзика до Токутоми. М.: Наука, 1974. 568 с.
5. Мамонов А. И. Пушкин в Японии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. 328 с.
6. Матвеев И. А. Восприятие творчества Э. Бульвера-Литтона в России 1830-1850-х гг. Томск: Томский политехнический университет, 2005. 248 с.
7. Рехо К. (Ким Ле Чун) Русская классика и японская литература. М.: Художественная литература, 1987. 352 с.
8. Цоктоева Т. Н. Первый из японских русистов // 100 лет русской культуры Японии. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 23-37.
9. 色川 大吉. 明治の文化. 出版社: 岩波書店. 東京, 2007. 398頁 (Ирокава Дайкити. Литература периода Мэйдзи. Токио, 2007. 398 с.).
10. 柳田 泉. 明治文学研究. 出版社: 春秋社. 東京, 1965. 444頁 (Янагида Идзуми. Исследование литературы периода Мэйдзи. Токио, 1965. 444 с.).

THE FIRST TRANSLATIONS OF THE RUSSIAN CLASSICS IN JAPAN: FROM FUNNY INCIDENTS TO NATIONWIDE RECOGNITION

Sadokova Anastasiya Ryurikovna, Doctor in Philology, Professor
Lomonosov Moscow State University
sadokova@list.ru

The article studies the history of the Japanese's acquaintance with the works of Russian classical literature at the end of the XIX century. Specific examples show how tough this process was and what difficulties arose when translating the Russian classics through the "intermediary language". The main stages of familiarizing the Japanese intelligentsia with Russian literature are revealed. The author determines the role of the first professional translators in the formation of stable interest in Russian literature and culture in the Japanese society, which later exerted tremendous influence on the creation of new Japanese literature.

Key words and phrases: translated literature in Japan; the Russian classics; new Japanese literature; translations from European languages; adaptation of realia and names; national colour.